

ФЕНОМЕН КАЗАНСКОГО ГЕРБА: ИСТОРИЯ, СЕМАНТИКА, РЕАЛЬНОСТЬ

Древний город Казань отпраздновал свое тысячелетие. В 2007 г. исполнилось едва ли не пять столетий и его гербу. Речь идет о 430-летию сфрагистического памятника 1577 г. В нем впервые официально (на государственной печати — атрибуте власти) помещена «печать царства Казанского». Об этом гласит легенда — надпись, окружающая изображение коронованного дракона, впоследствии превратившегося в герб Казани.

Казанский герб привлекал к себе внимание практически всех авторов, писавших об истории Казани. Известный советский археолог А. В. Арциховский, посвятивший одним из первых большую работу эмблемам вышеупомянутой печати, писал в этой связи: «Казанскому гербу повезло. Местные краеведы им интересовались в отличие от краеведов других городов, равнодушных к истории своих геральдических эмблем. Этой темой успешно занимались П. Заринский, Н. П. Загоскин, П. М. Дульский...».¹ А. В. Арциховский считал, что подобное внимание исследователей к гербу Казани объясняется, во-первых, тем, что «герб этот не менялся вовсе». Действительно, на протяжении XVI–XX вв. казанская эмблема сохраняла неизменность двух основных компонентов — дракона и короны. Прежде всего, это показательно для официальных знаков —

¹ *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // *Ученые записки МГУ.* 1946. Вып. 93. История. Кн. 1. С. 58–59.

гербов, печатей, знамен, но и чисто художественные изображения казанской эмблемы (например, на покровце, тарелке XVII в., на рисунках в военных гербовниках XVIII в. и т. д.) отличаются стабильностью. В словесном выражении эмблема практически также не претерпела изменений. Одно из наиболее ранних ее описаний содержит указ об изготовлении гербового знамени царя Алексея Михайловича 1666–1676 гг.² Указ предписывал сделать в Оружейной палате знамя, на котором «написать живописцу Станиславу Лопуцкому разных государств четырнадцать печатей в гербах (гербовых щитах. — Н. С.)». По поводу казанской эмблемы записано: «Печать Казанская, на ней в каруне Василиск, крылья золото, конец хвоста золот». Автор рисунка знамени известен. Это — смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий. Он «расписывал» знамя вместе со своими учениками Иваном Безминым и Дорофеем Ермолаевым. С. Лопуцкий подготовил много учеников, являясь ведущим мастером-«знаменщиком» в Оружейной палате. Здесь он был неоднократно «жалуем за многую работу», «за доброе мастерство». Косвенным свидетельством иностранного авторства композиции знамени может служить поворот всадника на груди орла не в традиционную правую от зрителя сторону, а в левую, как принято в геральдической науке. С ней в силу своего происхождения С. Лопуцкий был знаком. В описании казанской «печати» также использовано характерное для польского контекста слово «василиск» вместо более привычного отечественного «дракон».

Наиболее поздней точкой отсчета в официальном описании казанского герба можно считать указ императрицы Екатерины II «Об утверждении гербов городов Казанского наместничества» от 18 октября 1781 г. В этом акте отмечается, что герб Казани «старый». Документ фиксирует его геральдические цвета: «Змий черный под короною золотою, казанскою, крылья красные, поле белое».³ Данный казанский герб отныне вносился в верхнюю часть щита «вновь сочиненных гербов» городов Казанского наместничества, которых, не считая Казани, было 12. Среди них, правда, выделялся «старый» герб города Свияжска, но он не требовал, как все

² Опись московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 1. С. 44–49.

³ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 21. № 15260.

«старые» гербы, дополнения в виде гербового знака вышестоящего административного центра.

Вторая причина, которую А. В. Арциховский считал крайне существенной при объяснении историографического внимания к казанскому гербу, это сохранившиеся татарские предания об основании Казани. Они составляют большой комплекс, объединяющий, как известно, три цикла. Среди них легенды о перенесении города и о змеях представляют наибольший интерес.⁴ Считается, что легенда о «местном уголье и о змииском жилище» — территории возникновения Казани — впервые появилась в Казанском летописце, историко-публицистическом сочинении 1564–1565 гг. Как бы скептически исследователи ни относились к «Казанской истории», видя в ней «мутный источник», изобилующий «разными домыслами и прикрасами», многие «частности», приводимые автором, долгие годы жившим в Казани, можно воспринять как достоверные. Например, описание прекрасной природы, красот флоры и фауны того места, где возникла Казань: «Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и зверисто, и рыбно, и всякого уголья много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли нигде же таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чюжих землях».⁵ По-видимому, довольно точно автор определяет топографические параметры расположения древнего города: «...и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме».⁶ Данное сообщение позволило А. Х. Халикову высказать предположение, что город Казань был основан на окраине Волжской Булгарии, на северо-западном пограничье (р. Казанка), а само слово каз-ан «означало в прошлом начало границы, края, предела»,⁷ т. е. в домонгольское время Казань могла быть своеобразным пограничным пунктом.

⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 2004. С. 214.

⁵ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 47. О «свойствах местности» см. также: Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. 236.

⁶ Казанская история. С. 47.

⁷ Халиков А. Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 14–15.

Как бы составляя для читателя единое представление о городе Казани, автор «Казанской истории» вслед за географическим описанием помещает исторический текст, связанный с закладкой города.

Текст носит легендарный характер, как и большинство рассказов о возникновении знаменитых городов в разных концах света. Легенда о закладке Казани в своей основе содержит сюжет о борьбе человека с чудовищем — страшным двуглавым змеем («змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядыаше»). Его истребил волхв, который обложил его жилище сеном и тростником, полил все это серой и смолой и поджег. Царь же «возгради на месте том Казань».⁸

А. В. Арциховский, ссылаясь на упомянутых выше трех авторов, продолжает легенду, замечая, что крылатому змею удалось улететь на соседнюю гору Джилан-Тау («змеиная гора»), где впоследствии был основан Илантовский или Зилантов монастырь. От этого названия, как пишет А. В. Арциховский, образовано слово «Зилант» — главный змей легенды и казанского герба.

«Казанская история» явилась для А. В. Арциховского существенным подспорьем в его концепции об исторических корнях древнерусских областных гербов. Однако подобных исторических обоснований возникновения других эмблем он обнаружить не смог так же, как и произвести абсолютную идентификацию эмблем упоминаемых им шести серий рисунков.⁹ Несмотря на методическую значимость и приоритетность тематики, обусловленной историческими коллизиями, новаторская для своего времени работа А. В. Арциховского в свете позднейших геральдических, сфрагистических, археологических исследований вряд ли может соответствовать современным воззрениям на государственную печать царя Ивана IV Васильевича и на толкование ее изобразительных сюжетов.

Государственная печать царя Ивана IV Васильевича, о которой идет речь, уникальна не только как памятник российской средневе-

⁸ Казанская история. С. 48.

⁹ См. таблицу № 1 в кн.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 194–203.

ковой сфрагистики, но и как источник, отражающий концепцию его государственной власти. Немецкий историк Г. Штёкль, посвятивший завещанию и печати русского государя специальное исследование,¹⁰ отмечал, что в плане выяснения взглядов Ивана Грозного на власть и государство печать не уступает по своему значению знаменитой полемической переписке царя с князем А. М. Курбским.

Наиболее важными моментами для раскрытия этой ее значимости Г. Штёкль, как впрочем и авторы последующих работ, посвященных печати,¹¹ считал ее датировку и смысловую интерпретацию.

При исследовании вопроса о времени создания печати отмечалось, что дата изготовления очень важна, ибо позволяет связать печать с конкретными историческими событиями, а также поставить вопрос о литературной основе сюжета композиции, обнаружив близкие по хронологии письменные свидетельства. На них можно опереться в расшифровке эмблем и объяснении иносказательного языка печати.

В результате корректировки титула царя Ивана IV Васильевича и анализа «западных печатей», в частности, наличия «печати Полотцкой», где в качестве символа города изображены «колюмны» — знак литовских князей, дающей самую раннюю (1563) дату создания печати и самую позднюю (1579) — год захвата Полоцка польским королем Стефаном Баторием, вероятным временем ее появ-

¹⁰ *Stöckl G. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.* Автор публикует описание и фотографию печати, где видны несоответствия некоторых клейм их прорисовкам на печати, помещенным в издании «Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц» (Вып. 1. М., 1882. Табл. 18–19).

¹¹ *Соболева Н. А.* 1) Российская городская и областная геральдика. С. 154–167; 2) О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 179–186; 3) Гербы городов России. М., 1998. С. 99–105 (Здесь имеются фотографии печати); 4) Церковно-историческая традиция в оформлении большой государственной печати Ивана IV // Православная церковь и государство в исторической судьбе России. Н.-Новгород, 2008. С. 359–370; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времени Ливонской войны // АРИ. Вып. 5. М., 1994. С. 201–226. В статье содержится описание печати.

Печать 1577 г. — лицевая сторона с изображением казанской эмблемы

ления признается 1577 г., ибо в 1578 г. она уже скрепляла договор с Данией.¹² С этой датировкой согласен и Дж. Линд.¹³

Дата создания печати включает российский сфрагистический памятник в круг символики, появившейся в связи с Ливонской войной, которую вел царь Иван IV Васильевич за овладение прибалтийскими землями. Успехи, одержанные в 1577–1578 гг., явились побудительным мотивом для создания государственной печати. В ее эмблемах нашли отражение подлинные завоевания и оптимистические ожидания царя, казавшиеся на фоне замечательных военных побед также вполне реальными. Речь идет о печатях Риги и Ревеля, которые так и не были завоеваны Иваном Грозным, но их эмблемы, не соответствующие подлинным гербам этих городов, изображены вместе с другими клеймами вокруг двуглавого орла.

¹² *Соболева Н. А.* О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 180.

¹³ *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV... С. 209.

Печать 1577 г. — лицевая сторона с изображением казанской эмблемы.
Прорисовка

Печатью 1577 г., как об этом свидетельствует и более позднее ее использование (в 1583–1584 гг.), скреплялись документы международного характера: договоры, официальные письма иностранным государям, грамоты, подтверждающие полномочия русских послов. Подобной по статусу и по форме печати ранее не было в отечественном делопроизводстве. Г. Штёкль писал, что «формальный принцип расположения отдельных изображений вокруг центрального предмета русским был известен, но из совсем другого источника, из икон». Подобного сфрагистического прецедента не существовало. Однако исследователь не сомневался, что создание государственной печати, представляющей собой сочетание общегосударственной эмблемы и территориальных «печатей», не являющихся в своей основной массе реальными печатями и, тем более, гербами, не выглядит случайностью. Ее композиция в целом символизирует единство земель, объединенных под эгидой московского государя. Как отмечалось выше, в комплекс клейм входили и территории, еще не принадлежавшие Русскому государству. Однако

царю Ивану IV Васильевичу важна была подобная мистификация, для того, «чтобы произвести впечатление на получателя», и как элемент его последующей «игры» с рядом государей прибалтийских стран, в частности, со Швецией.¹⁴

Сочинение эмблем и композиция печати, типичная для государственных печатей многих европейских стран той эпохи, на которых в гербовых щитах изображались эмблемы земель, имели свой смысл. Они включали русскую печать, скреплявшую международные акты, в круг обычных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти. В свете большого интереса к иерархии европейских государств, который характерен для русского правительства того времени, знакомство с институтами внешнего оформления верховной власти западноевропейских государей и подражание им выглядят вполне правдоподобным.

Если говорить об «образце» для подражания, то Г. Штёкль и другие исследователи приводят в качестве примера печати императора Священной Римской империи, где «от Сигизмунда до Карла V двуглавого орла окружает кольцо из гербов земель».¹⁵ Упоминаются также и государственные печати Польши и Великого княжества Литовского. Здесь в период правления Ягеллонов существовали печати с гербами земель, окружавшие центральную фигуру. Печати польских королей, как считают исследователи, в Москве были хорошо известны.

Относительно гербов, окружающих центральную фигуру (сидящего на троне короля или гербового одноглавого орла), польские историки поясняют, что такие символы, как *pars pro toto* — часть от целого — определяют размер находящихся во владении суверенна территорий и одновременно — структуру государства и образующих его областей. Отдельные гербы провинций «символизируют не только конкретную область, но и ее самоуправление, судопроизводство, организацию обороны, представительство в сейме, а также различные исторические традиции».¹⁶

¹⁴ *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV... С. 213 (и далее).

¹⁵ *Stöckl G.* Testament und Siegel Ivans IV. S. 53.

¹⁶ *Piech Z.* Herrscher und Staat in den ikonographischen Quellen im Zeitalter der Jagiellonen // *Die Jagiellonen. Kunst und Kultur einer europäischen Dynastie an der Wende zur Neuzeit.* Nürnberg, 2002. S. 38.

Однако русская печать имела специфику: подавляющее большинство эмблем, окружавших центральную фигуру как на лицевой, так и на оборотной сторонах, не существовали в качестве изображений на реальных печатях, тем более, не являлись гербами городов и областей (как неоднократно доказывалось в отечественной историографии, в рассматриваемую эпоху в Русском государстве гербов не существовало, что обусловлено особенностями его исторического развития).

Вместе с тем, трудно согласиться с утверждением Г. Штёкля, что «все без исключения многочисленные звери на эмблемах... не имели отношения к символике Московской власти... Просто в большую государственную печать включали то, что случайно оказывалось под рукой».¹⁷

Стилевая близость печати 1577 г. памятникам отечественного изобразительного искусства XVI в. с их символизмом, библейскими образами, с их ярко проявляющейся тенденцией вкладывать в изображение самых простых явлений скрытое значение, с сильным звучанием догматической и морализующей темы, единством сюжетов изобразительного искусства и литературных и проч., дает возможность интерпретировать эмблемы печати как определенные символы. Общий смысл композиции печати и детальный разбор клейм произведен нами в ряде работ.¹⁸ Отметим только, что в основе подбора и воспроизведения фигур печати лежали отнюдь не геральдические начала, о которых можно говорить, имея в виду ее «образцы». Те символы, образное выражение которых имеется на печати в виде изображения представителей животного мира, отдельных предметов оружия, атрибутов царской власти, — это, по-видимому, символы идей, а не символы территорий, которыми отдельные эмблемы становятся впоследствии. Эти символы растолковывались и интерпретировались в литературных памятниках, в образном, «картинном» выражении фигурировали в произведениях изобразительного искусства того времени.

Предлагаемое толкование символики изображений может навести на след идейных создателей подобного идеологического па-

¹⁷ Stökl G. Testament und Siegel Ivans IV. S. 58–59.

¹⁸ Соболева Н. А. 1) Российская городская и областная геральдика. С. 153–167; 2) О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 179–186; 3) Геральдическое искусство в России // Гербы городов России. М., 1998. С. 99–104.

мятника. Несомненно, это были люди сведущие, образованные, начитанные, сторонники властной теократической доктрины. К ним принадлежал, прежде всего, предстоятель русской православной церкви митрополит Макарий, один из активных сторонников Ивана IV, прославлявший деяния русского самодержца. Известно, что митрополит Макарий — инициатор, составитель и редактор «энциклопедических» книжных сводов (Великих Миней Четьих), являлся также организатором особой «Макариевской» художественной школы. Специалисты отмечают, что круг работ макариевских мастеров широк, разнохарактерен (иконопись, миниатюра), в миниатюрах преобладает графическое начало и прослеживается знакомство с западноевропейским искусством.¹⁹ Под непосредственным руководством митрополита Макария возникает школа «царских живописцев» — предшественница Оружейной палаты XVII в. Первоиерарх Русской церкви был «иконному писанию навычен», хорошо разбирался в живописной символике.²⁰ Кто-то из художников макариевского круга был наслышан о геральдических принципах. Это нашло отражение в специфике передачи украшенных «гербами» щитов, которые держат некоторые воины на иконе «Церковь воинствующая». Необычная икона (историческая, гражданственная живопись) написана мастерами «Макариевской школы» во второй половине 1550-х годов.²¹ По поводу ее трактовки нет единого мнения. Щиты со светскими фигурами (двуглавого орла, змеи и др.) предположительно держат представители знатных иностранных родов, которые могли употреблять подобные щиты с изображением различных зверей и птиц. Для русского воинства такие щиты не были характерны. Геральдичность фигур на щитах весьма приближительна и количество светских фигур ограничено — «Церковь воинствующая» создана задолго до печати 1577 г. с подобными эмблемами.

¹⁹ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 135–136.

²⁰ Дробленкова Н. Ф. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 2. Л., 1989. С. 85.

²¹ Антонова В. И., Мневa Н. Е. Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи XI начала XVIII веков. Опыт историко-художественной классификации. Т. 2. М., 1963. С. 128–134; Морозов В. В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // СА. 1983. № 2. С. 247–253.

Высказывалось мнение, что мастера, призванные Макарием для выполнения «государевых заказов», участвовали в создании миниатюр Лицевого свода (1568–1576 гг.). Ко времени его изготовления в царской книгописной мастерской в Александровской слободе митрополита Макария уже не было в живых. Однако не изменились принципы воззрения на царскую власть, связанные с ее возвышением и необходимостью единения подданных под властью самодержца для победы над врагами — «неверными».

По-видимому, сохранился и штат прекрасных писцов и живописцев в «государевой палате», основы которой заложил митрополит. Тот же самый знакомый с западным геральдическим искусством художник мог отобразить царское представление о власти в символах знакомых ему, в частности, по наиболее популярной из читаемых книг Средневековья — Псалтири. Учитывая личное участие Ивана Грозного во многих мероприятиях по оформлению истории его деяний и даже в выборе сюжетов изобразительного искусства,²² можно утверждать, что и в символике печатей, особенно связанных со скреплением грамот, отправляемых за рубеж, нашли отражение образ мыслей и воззрения самого царя.

Кстати, Псалтирь создавалась в Александровской слободе в то же время, с июня 1576 г. по январь 1577 г.,²³ что и описываемая печать, удивившая иностранную дипломатию формой известной Европе, но не характерной для России.

Вероятно, символика русских печатей, используемых в дипломатической практике, становилась в какой-то мере известной западному миру. Этому способствовала и публикация в Европе иностранных трудов о России, к примеру, «Записок о Московии» барона С. Герберштейна, который описывал русские печати, монеты, знамена, А. Олеария и других.

Во всяком случае, «Книга о флагах» К. Алярда, представляющая собой компилятивный труд, в котором использованы различные эмблемники и гербовники и имеются изображения флагов многих (больших и маленьких) стран, содержит, кроме трех флагов «его царского величества Московского» конца XVII или даже нача-

²² Подобедова О. И. 1) Миниатюры русских исторических рукописей. С. 140; 2) Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972. С. 5 (и след.).

²³ Кюсс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 246.

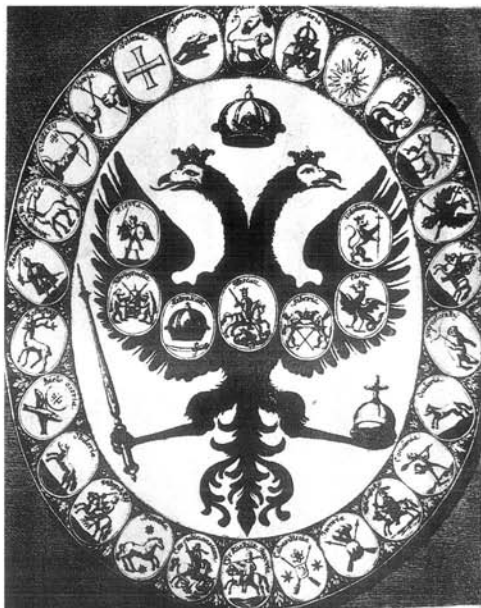

Изображение дракона с надписью «Царь Казанский»
(по титулу Ивана IV) из Титулярника 1672 г.

ла XVIII в. («Книга о флагах» переведена на русский язык в начале XVIII в.), «флаг Цесаря от Тартарии»: на золотом поле (желтом) изображен черный дракон, вправо от зрителя, «с василисковым хвостом». ²⁴ Дракон изображен без короны, рисунок отступает от отечественного типажа подобной эмблемы. Рядом помещен «другой татарский флаг» (такова подпись) — на золотом поле черная сова с желтой грудкой.

Можно было бы предположить, что флаг татарского цесаря появился как заимствование из Титулярника 1672 г. — рисованной золотописцами Посольского приказа книги, предназначенной, в основном, для нужд этого приказа. Однако детали того и другого рисунка не совпадают. К тому же Титулярник существовал в трех экземплярах. Два из них были сделаны по заказу царских особ, один — для нужд Посольского приказа.

²⁴ Алярд К. Книга о флагах. Ч. 2. СПб., 1911. № 80–81. С. 87.

Изображение казанского дракона на крыльях двуглавого орла —
рисунок из дневника И. Г. Корба. Конец XVII в.

Титулярник — наиболее полное собрание титульных территориальных эмблем, известных в XVI–XVII вв. Полного тождества между эмблемами печати 1577 г. и Титулярника нет; в «первом русском гербовнике» появились совершенно другие, чем на печатях, символы Перми, Ярославля, Рязани и т.д., практически именно Титулярник 1672 г. лег в основу материалов, использованных при составлении российских городских гербов в XVIII в. Изобразительная сторона эмблем печати 1577 г. (не следует забывать, что первоначально был сделан рисунок, по которому вырезалась матрица печати) и Титулярника разнятся. В оформлении Титулярника проявилась тенденция сочетания традиционного русского стиля с западноевропейским, наблюдается «подгонка» помещенных на печати известных старых форм к новомодным потребностям и веяниям. В художественной мастерской Посольского приказа в XVII в. трудились прекрасные русские мастера, однако им нередко приходилось прибегать к западноевропейским справочникам — эмблемникам, чтобы «не отставать» в своем творчестве от привозных художест-

венных изданий эмблематического или орнаментального характера. Миниатюра, представляющая казанский герб, выполнена исключительно изящно, дракон в царской короне повернут влево от зрителя, что соответствует западноевропейским геральдическим правилам, с которыми все более со времени Алексея Михайловича начинает знакомиться Россия.

Со времени Титулярника история герба Казани по основным параметрам развития вписывается в контекст эволюции городской геральдики Российской империи.

Потребность в особых отличительных знаках для знамен полков, размещенных в результате военных реформ Петра I по городам, обусловила создание в 1712 г. в Оружейной палате знаменного гербовника. В нем были собраны эмблемы городов и областей, которые отныне все считались городскими и наносились на полотнища военных знамен. В качестве образцов использовались рисунки Титулярника, а также рисунки, взятые из только что переведенной по приказу царя книги «Символы и эмблемата». Здесь помещалась и казанская эмблема, заимствованная, судя по всему, из Титулярника.

По своему художественному исполнению изображения на знаменах не достигли строгой геральдической формы и напоминают простые рисунки: эмблемы изображены без гербовых щитов — основной детали каждого герба, не соблюдено и такое геральдическое правило, как неналожение металла на металл и цвета на цвет. Негеральдичность в воплощении городских гербов с точки зрения определенных канонов геральдического искусства, выработанных в Европе, применение которых превращало рисунок в герб, свидетельствует, что в начале XVIII в. существовала лишь тенденция превращения известных территориальных эмблем в городские гербы. Поэтому не случайно, что царь-реформатор в инструкции герольдмейстеру подчеркивал, что в России составление гербов — «дело нового основания». Приглашенный из Европы специально для составления гербов, пьемонтский дворянин граф Франциск Санти ранее служил в аналогичной должности при дворах многих европейских государей. Он замечал, что его работа «не токмо трудна и мало заобычайна и в других государствах, в здешнем же государстве и весьма до сего часу, как известно, и не во употреблении была».

Одной из первых работ Ф. Санти в России становится геральдическое оформление государственного герба и печати. В его бумагах

сохранился документ на французском языке и в переводе: «Герб его императорского величества с колорами или цветами своими». Кроме двуглавого орла со святым Георгием на груди, в нем описаны и прочие титульные эмблемы. Их уже можно назвать гербами, ибо, положив в основу рисунки Титулярника, Ф. Санти придал им геральдическую форму. Он стабилизировал положение фигур в щите, по существовавшим в Европе геральдическим правилам использовал определенные цвета и металлы, приведя их в строгое соответствие. Казанский герб Ф. Санти описал следующим образом: «Поле серебряное с драконом или змием черным, у которого крылья красные, а коронован золотой или желтой короною; тот же дракон сидит на зеленом дерне».²⁵ Это описание датировано 6 сентября 1722 г.

Существенную роль в становлении в России городских гербов сыграл царский указ 1724 г. Он предписывал «во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и в городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе, и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-коллегию».²⁶ Предшествующим указом «О форме суда» печать с гербом города вводилась в судебное дело-производство. В результате этих указов город получал официальный символ, а создание герба города становилось делом государственной важности. Осуществить это мероприятие должно было государственное учреждение — Герольдмейстерская контора, а Сенат рассылал в различные ведомства предписания об оказании ей помощи в работе.

Герольдмейстерская контора, чтобы определить, какой герб имеется у города, разослала в губернские и провинциальные канцелярии анкету с вопросами о хозяйственном развитии подведомственных городов, их внешнем виде и отличительном знаке. Судя по сохранившимся в архиве документам, ответов на запрос Герольдмейстерской конторы пришло довольно много. Однако поразительное единообразие наблюдается в ответах на последний вопрос анкеты: ни о каких прежних городских гербах большинство

²⁵ РГАДА. Ф. 1363. Гр. Санти. Оп. 1. № 11. Л. 3.

²⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 7. № 4552.

провинциальных канцелярий не знало, причем отрицательно на этот вопрос ответили канцеляристы многих учреждений тех территорий, чьи эмблемы имелись в Титулярнике, изображались к этому времени на знаменах полков, размещенных в городах.

Собственно о гербах имеются сведения не более чем в десяти откликах с мест. Это, прежде всего, гербы прибалтийских городов, появившиеся у них во времена шведского владычества; некоторые украинские города предъявили гербы, пожалованные им ранее польскими королями. Пришли положительные сведения из Ярославля, Симбирска, Уфы и Казани. 9 января 1725 г. Ф. Санти получил донесение из Казанской губернской канцелярии. В нем содержался четкий ответ на последний вопрос анкеты: «А герб в городе имеетца татарских званий, на котором изображен змей, а около змея слова „печать великого государя“». ²⁷

Нет ничего удивительного в том, что казанцы быстро и четко ответили на вопрос центрального учреждения о гербе своего города. Если им не были знакомы печать 1577 г., Титулярник 1672 г., где изображался символ Казани, то с печатями, скреплявшими документы, выходящие из канцелярии воеводского правления, они, без сомнения, сталкивались. Как показали недавние исследования российских архивистов, казанские воеводы использовали «печать царства казанского» с 1591 по 1707 г. ²⁸ Она прикладывалась к подорожным, проезжим грамотам и к наказам. Только в одном фонде «Грамот Коллегии экономии», хранящемся в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА), выявлено 29 оттисков однотипной казанской печати. Подобная печать обнаружена при документах из других архивных и музейных собраний. В казанских архивах, например, начиная с 1597 г. по 1650 г. к публично-правовым актам — документам договорно-распорядительного (грамоты ввозные, послушные ²⁹) вида — приложена однотипная

²⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. № 377. Л. 26.

²⁸ Подробнее об этом см.: Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // История и палеография. Сборник статей. М., 1993. С. 237. Авторы статьи ссылаются на текст: Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного государства: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

²⁹ Документы по истории Казанского края. Казань, 1990. № 17–18, 28, 30, 32–33, 36, 40, 43, 45–47, 49, 67, 76.

Печать Царства Казанского под грамотой воеводы князя
И. М. Воротынского 1596 г., данной архимандриту
Казанского Преображенского монастыря Арсению с братьею

черновосковская печать. Она обозначена как «государева царева и великого князя Феодора Ивановича (Алексея Михайловича) всеа Руси печать царства Казанского». На подлинниках сохранился черновосковской оттиск печати «с изображением крылатого змея». При одном документе имеется уточнение: «К грамоте приложена средней величины черновосковская печать с изображением Зилантова змея (с поднятою правой лапою)».³⁰ Последнее уточнение подсказывает нам, что и на прочих казанских печатях этого времени крылатый дракон в короне изображался идентичным образом: влево от зрителя, с поднятой правой лапой. Во всяком случае, публикация казанских печатей 1596, 1637 и 1693 гг.³¹ в XIX в. демонстрируют подобную композицию и детали эмблемы, хотя заметно, что рисунки, по которым изготовлялись матрицы печати в разное время, делала не одна рука.

Стабильность эмблемы «печати царства Казанского» соответствует упорядочению правил ее использования. Ее прикладывали

³⁰ Документы по истории Казанского края. № 45.

³¹ Иванов [П. И.] Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858. Табл. VIII, № 148; Табл. XIII, № 135; Табл. XIX, № 301.

Печать Царства Казанского под оброчной грамотой 1637 г.
архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря
Герасиму с братьею

к определенного вида документам (см. выше) исключительно казанские воеводы. Свяжские воеводы к различного вида актам, в том числе и к ввозным грамотам, прикладывали собственные печати, имеющие совсем другие изображения: скачущий вправо единорог, перекрещенный ружьем, единорог или грифон.³²

Подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин, бежавший в 1665 г. в Швецию, где описал «состояние Московского государства» в период правления царя Алексея Михайловича, в своем труде привел много сведений о российском делопроизводстве, в частности, об оформлении документов, о гербах и печатях. Он писал: «А грамот и гербов на дворянства... (царь. — *Н. С.*) никому не дает, потому что гербов никакому человеку изложить не могут... Так же и у старых родов князей и бояр, и у новых истинных своих печатей нет. Да не токмо у князей и бояр, и иных чинов, но и у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает. А когда лучитца кому к каким писмам или послом к посольским делам прикладывать печати, и они прикладывают, у кого какая печать прилучилась, а не породная».³³

³² Документы по истории Казанского края. № 31, 56.

³³ Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 49.

Печать Царства Казанского под ввозною грамотою 1693 г.,
данной игумену Казанского Кизического монастыря
Ипатию с братьею

Подобное сообщение не только информирует об отсутствии в Российском государстве в 60-е годы XVII в. личных гербов, которые могли бы помещаться на дворянских печатях, что видел Г. К. Котошихин в это время за рубежом, но и о том, что у должностных лиц имелись печати, пусть не родовые, которыми они скрепляли служебные документы. У казанских воевод, как и у свияжских, скорее всего, они также существовали. Однако казанские воеводы использовали на службе «печать царства Казанского» с однотипным изображением — дракона в короне. Этот сюжет соотносится впоследствии с вербальным определением казанской печати: «прежних татарских званий». Значимость «печати царства Казанского», как следует из документов, связанных с ее хранением и функционированием, несомненно, выходит за рамки делопроизводственного компонента. Об этом свидетельствуют три акта, опубликованные М. П. Лукичевым и А. Л. Станиславским в 1995 г.³⁴ Первый документ — грамота казанскому воеводе князю Ю. П. Ушатому и дьяку Ф. Ф. Лихачеву о порядке хранения и использования печати Казанского царства. Она была послана царем Михаилом Федоровичем через четыре месяца после избрания его на царство. В тексте

³⁴ Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства начала XVII в. С. 241–245.

несколько раз используется слово «по-прежнему», по-видимому, чтобы подчеркнуть, что статус «печати царства Казанского» (а следовательно, и комплекс дел, решаемых с ее помощью) не должен быть подвергнут переменам несмотря ни на какие катаклизмы. Печать по-прежнему должна храниться в казанской разрядной избе (иначе — съезжей палате) в особом ящике, запечатанном личными печатями двух воевод. Оформлены соответствующие документы (см. выше) должны быть от имени только первого воеводы. Его привилегией являлось право пользования печатью царства Казанского.

Появление второго акта было вызвано нарушением принципов хранения и использования печати Казанского царства. Вопреки правилам, которые запрещали выносить ящик с печатью из Разрядной избы, где первый воевода в присутствии второго воеводы и дьяков скреплял документы «печатью царства Казанского», по указанию казанского воеводы В. П. Морозова ящик с печатью «печатати отписки для государевых скорых отпусков» приносили к нему домой. Это считалось, по-видимому, серьезным нарушением. Во всяком случае, оно явилось причиной претензий В. П. Морозову со стороны другого казанского воеводы, В. В. Волынского, и обратило на себя внимание царя Михаила Федоровича и его отца святейшего патриарха Филарета Никитича. Последние поручили расследовать инцидент специальным людям, подключив к расследованию даже казанского митрополита Матвея.

Наконец, третий документ, датированный 1627 г., представляет собой отписку боярина, казанского воеводы В. П. Морозова. В нем боярин признает, что старый подьячий и сторож из Разрядной избы приносили ему ящик с печатью «на его двор», но он запечатывал только начисто переписанные документы, предварительно обсудив их в «съезжей палате при товарище своем и при дьяках». Вслед за прикладыванием печати она немедленно, как писал В. П. Морозов, отправлялась в ящике в съезжую палату.

Подобные меры предосторожности и охраны «печати царства Казанского» были предприняты после того, как она в период Смутного времени сыграла определенную роль в борьбе за власть различных политических группировок. В 1612 г. после смерти и бегства из Казани воевод власть в городе перешла к казанским дьякам, один из которых, Н. М. Шульгин, не без помощи такого удостове-

рительного средства, как печать, насаждал свою власть в Казанском крае, раздавая земли, жалованье и прочие льготы своим сторонникам. Фактически он претендовал на роль главы Казанского региона.³⁵ Поэтому не случайно сразу же после выборов царя Михаила Федоровича и немедленного ареста дьяка, прежний порядок функционирования «печати царства Казанского» как символа стабильности региона был восстановлен.

Значение «печати царства Казанского» неоднократно подчеркивалось исследователями и в более позднем периоде — во второй половине XVII в. Она как символ местной власти передавалась при смене воеводского правления в первую очередь — одновременно с ключами от «каменного» и деревянного» города.³⁶ Система пользования печатью оставалась незыблемой. Однако, памятуя о конфликтах 1627 г., в наказах специально отмечалось, что «всякие дела печатать» можно было только в приказной палате, где вместе с первым воеводой, прикладывавшим печать, обязательным признавалось присутствие второго воеводы и дьяков («А на дворе у себя никаких дел не печатать»).

Столь бросающаяся в глаза регламентация «печати царства Казанского», особая значимость ее в делопроизводстве Казанского региона, неизменность символики вряд ли являлись случайностью. «Дела казанские» представляли для центра особый интерес и важность. Устойчивость казанской символики в эмблематическом поле Российского государства, кажущаяся, на первый взгляд, малозначимой, на самом деле является дополнительным показателем особой «заинтересованности и важности». Подобные детали, вплетаясь в контекст взаимоотношений «центра и региона», расширяют рамки этого контекста до проблемы политики русского правительства по отношению к Казанскому краю.

По наблюдениям С. М. Каштанова, «специфика казанской политики Ивана IV еще не была предметом специального изучения в исторической литературе».³⁷ В значительной мере этот пробел

³⁵ Лукичев М. П., Станиславский А. Л. Печать Казанского царства начала XVII в. С. 239.

³⁶ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 109–110.

³⁷ Каштанов С. М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х гг. XVI в.: (по актовому материалу) // Ученые

восполняют последующие работы, прежде всего, исследование И. П. Ермолаева, где рассматривается система создания и эволюции государственных и местных органов управления Казанским краем, взаимодействия первых (прежде всего, Приказа Казанского дворца) и вторых; очень тщательно на основе актовых и делопроизводственных материалов выстраивается структура органов местного управления, определяются принципы их функционирования на протяжении второй половины XVI–XVII вв. Автор, используя находящиеся в его распоряжении традиционные источники, пытается обозначить и политическую стратегию царя Ивана IV Васильевича в отношении Казани. И. П. Ермолаев пишет: «Нужно было решить такие задачи, которые еще не вставали перед российским царским престолом, — ведь Казань была не просто новым приобретением царя, она была центром экономически и политически развитого края с большим культурным наследием, края, долгое время игравшего ведущую роль на востоке и юго-востоке Восточной Европы, края с нерусским населением, к тому же исповедующим совершенно иную, чем христианство, религию — мусульманство».³⁸ Определяя общую линию политической стратегии русского царя, исследователь, как и другие авторы, расставляет акценты на использовании несовпадения интересов различных групп местного населения, на насаждении православия, заигрывании с верхами татарского общества и т. д. В принципе подобная традиционная постановка вопроса основывается на концептуальной доктрине, обосновывающей причины присоединения Казанского ханства к Русскому государству, которая в отечественной и зарубежной историографии до сих пор остается спорной.

В настоящее время оформились два основополагающих воззрения на сущность процесса действий правительства царя Ивана IV Грозного в отношении Казанского ханства. Представитель российских историков считает, что угроза образования антирусского мусульманского союза была для царя настолько очевидной, что Россия, исходя из своих стратегических интересов, вынуждена была

записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 80: Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 164.

³⁸ *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. С. 11.

прибегнуть к завоевательному походу, чтобы решить вопрос о государственной безопасности.³⁹ Западноевропейские ученые делают акцент на экспансионистском характере политики Московского государства в отношении Среднего Поволжья, а затем Сибири.⁴⁰ В какой-то мере в контекст и тех и других воззрений входят традиционные доводы и аргументы, формирующие причины завоевания Казани (экономические — увеличение земельного фонда, овладение торговыми путями; военно-стратегические — защита от набегов, охрана восточных границ; религиозные и т. д.). Однако вторая концепция включает в себя очень существенный момент правового подхода к проблеме: в завоевании Казанского ханства просматривается аннексия «суверенного государства, которое никогда не принадлежало Руси, а было составной частью империи Чингизидов, основанной в недрах Монгольской империи и исламского сообщества...».⁴¹

В подобной интерпретации проблемы существует много недостаточно исследованных вопросов и вряд ли их можно столь же просто разрешить, как поставить. Однако уже сейчас нельзя не признать, что политические факторы, властная доктрина, забота о формировании определенного имиджа на европейском уровне явились очень существенным побудительным мотивом притязаний московского государя на владения Чингизидов.

Известно, какое огромное значение придавал царь Иван IV Грозный своему титулу, что особенно проявилось в период Ливонской войны, в спорах о прибалтийских землях между Россией, Польшей, Швецией. В этих спорах самое серьезное внимание уделялось вопросам титула, государственной печати и герба.⁴² Так, воспользовавшись в 1572 г. шведско-датскими неурядицами, Иван IV Грозный потребовал «прислать образец герб свейской, чтобы тот герб в царского величества печати был», а также — именовать его в ти-

³⁹ Бахтин А. Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // ВИ. 2001. № 5. С. 67–68.

⁴⁰ Каттелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 22–35.

⁴¹ Там же. С. 22.

⁴² Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. О датировке большой государственной печати Ивана IV. С. 185.

туле «Свейским». В ответ он получил от шведского короля Юхана III Вазы возражения, на что уверенно ответил: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся».⁴³

Действительно, к середине XVI в. окончательно оформилась властная концепция, основанная на легенде происхождения русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который состоял в родстве не только с Августом, но и с Рюриком. Сосуществовала с ней и легенда о принятии Владимиром Мономахом от византийского императора Константина Мономаха царских регалий. Сколь бы ни были легендарными подобные факты, они обосновывали венчание на царство Ивана Грозного в 1547 г.

Наряду с панегирическими употреблениями термина «царь» применительно к русским князьям, начиная с XI в., наблюдаются вполне конкретные действия князей Северо-Восточной Руси в XV в. за право называться «царем». Это относится, прежде всего, к московскому великому князю Ивану III Васильевичу. Вступая в борьбу за объединение русских земель в единое государство, он придавал большое значение формированию своего имиджа и политического престижа как правителя суверенного государства. Имеются многочисленные свидетельства о стремлении этого великого князя поставить себя на один уровень с первым монархом Европы — императором Священной Римской империи.⁴⁴ Немецкий ученый Г. Алеф выстраивает убедительную систему доказательств борьбы Ивана III Васильевича за императорский титул. Исследователь показывает действия великого князя в этом направлении внутри страны и главное — за рубежом, причем эти действия начались еще до женитьбы на Зое Палеолог (например, выпуск золотых монет в подражание известной европейской монете — венгерскому дукату). Сама женитьба, таким образом, вплетаясь в контекст притязаний на императорский титул, не являлась отправной точкой. Анализируя политику Ивана III Васильевича, Г. Алеф отмечает, что великий князь

⁴³ Сборник РИО. Т. 129. СПб., 1910. С. 213.

⁴⁴ *Соболева Н. А.* Символы русской государственности // ВИ. 1979. № 6. С. 51–52.

стремился к признанию его императором с момента вступления на престол, но «предпринял более решительные шаги после контакта с Габсбургами».⁴⁵ Как известно, в результате этих контактов, а также, в связи со складывающейся теорией знатного происхождения Ивана III Васильевича, появилась его печать с двуглавым орлом — символом императорской власти. Ивана III Васильевича титуловали в дипломатических документах императором главы государств Швеции, Дании, магистр Ливонского Ордена и др. Так же они называли и его сына, великого князя Василия III Ивановича, причем последнего называли императором в грамотах 1514 и 1519 гг. императоры «Священной Римской империи» Максимилиан I и Карл V, исходя из титулования его в русских грамотах царем.⁴⁶

В то же время и император Священной Римской империи, и папа римский неоднократно задавались вопросом о предложении русскому государю титула короля, соотнося наименования «царь» и «рекс».⁴⁷ Причем подобные планы вынашивались и после коронации Ивана IV в 1547 г.

Для подкрепления своего права называться царем Иван IV Васильевич предпринял комплекс действий — от дипломатических (наказы послам требовать в различных странах, прежде всего, в Польше, «писать» его в грамотах «царем») до атрибуционных (создание «трона Мономаха» — царского места в Успенском соборе Московского Кремля).

Думается, что в ряд этих действий можно поставить и завоевательные походы в «царства» Чингизидов. Здесь мы сталкиваемся с проблемой «московской царственности», новые подходы к которой демонстрируют в настоящее время некоторые отечественные (М. Б. Плеханова, А. А. Горский) и зарубежные (А. Каппелер) исследователи. Коснемся лишь моментов, имеющих отношение к тематике статьи.

М. Б. Плеханова отмечает, что понятие «царство» было основополагающим для русских книжников, «если нужно было осмыс-

⁴⁵ Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III. Berlin, 1986. P. 82–89.

⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 75–77.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Успенский Б. А. Царь и император. М., 2000. С. 45–48.

лить судьбу страны во вселенских масштабах».⁴⁸ Термин же «царь», как известно, имел непомерную притягательность для русских правителей начиная с Владимира Святого, который не случайно титуловался каганом (царем, императором). Славянское понятие «князь» на многие столетия вошло в русскую государственность, и в правовом плане русские князья (даже великие) не воспринимали себя как цари, сколько бы ни титуловали их подобным образом публицисты. До определенного времени царями для Руси являлись византийские императоры, а затем легитимные правители Золотой Орды,⁴⁹ которые и воспринимались как цари, ибо обладали верховным сюзеренитетом. А. А. Горский, утверждая, что с «правлящим царем» у московских князей было практически одно открытое столкновение, объясняет это следующим образом: «„Комплекс царя“, психологический барьер, из-за которого было сложно заставить себя вести активные военные действия против „главного“ татарского хана, в течение более чем двух столетий считавшегося правителем более высокого ранга, чем кто-либо из русских князей, продолжал существовать»⁵⁰ (имеется в виду время Ивана III Васильевича). «Комплексом царя» можно объяснить и присутствие на знаках власти, каковыми являлись монеты русских князей, то татарского знака «плетенки», то совместно со специфическим монетным изображением арабской надписи и имени хана.⁵¹

По наблюдениям А. А. Горского, на Руси и после развала Золотой Орды правителей образовавшихся ханств продолжали называть царями.⁵² Поскольку в глазах европейцев венчание Ивана IV Васильевича на царство могло выглядеть как самозванчество, а в легенды о получении царского достоинства от «греческих царей» его предками, по-видимому, зарубежное высшее общество также не особенно верило, Ивану IV Васильевичу «приобщиться к царственной силе» предстояло другим путем. Этот путь нашел отраже-

⁴⁸ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 7.

⁴⁹ Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». М., 2001. С. 136–137.

⁵⁰ Там же. С. 146.

⁵¹ Подробнее об этом см.: Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 276–278.

⁵² Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». С. 157.

ние в ряде русских и зарубежных, переведенных на Руси, произведений. Воплощался он в завоевании «царства», которое давало завоевателю легитимное право называться «царем».⁵³

Отмечая факт завоевания «царств» Казани и Астрахани в дипломатических документах, Иван IV Васильевич особо подчеркивал значение этих мест, где «изстари цари велись», для «оправдания» принятого им царского титула. Так, московским послам надлежало передать королю в Литву, что «царство Казанское взято и потому Иоанн сделался царем».⁵⁴

М. Б. Плюханова, проанализировав и осмыслив в указанном выше контексте изначальную «Казанскую историю», роль казанского похода в воцарении Ивана IV Грозного, приходит к выводу, что в этом памятнике очень четко изложен смысл действий московского царя: «ревнуя подвигам старых князей, Иван, достигший царского венца и титула, совершит высший подвиг — окончательно возьмет то, что уже брали и не удержали князья — царство Казань — царственный град». По ее мнению, отныне Казань приобретает символический статус как «источник русского царения». В подобном качестве город воспринимается как в официальных (прежде всего, в дипломатических) кругах, так и народной среде. Об этом свидетельствует фольклор, в котором поход на Казань ассоциируется с началом Московского царства.⁵⁵

Фольклор, связавший возникновение Московского царства с Казанью, оставил также сюжет адекватности возникновения Казани и Московского царства. М. Б. Плюханова объясняет сюжет идеей

⁵³ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 171–190; Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». С. 147, 158; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 51; Каптелер А. Россия — многонациональная империя... С. 26. Автор пишет: «Казань и Астрахань как резиденции легитимных наследников Чингисхана, которых в России называли царями, могли значительно увеличить славу и усилить притязания московского царя». См. также: Каптелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 96: «Престиж царей-чингизидов, подданными которых русские были более двух столетий, стал существенным элементом ранней имперской идеологии России».

⁵⁴ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. М., 1989. С. 499.

⁵⁵ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 188–189.

«строительной» жертвы — пролитие царской крови на месте «царства». Эта идея не была свойственна русской мифологии. Автор находит аналоги «Песни о гневѣ Грозного на сына» в фольклоре казанских татар, у которых существовало предание о неминуемой смерти ханского сына на месте, выбранном для строительства Казани. Однако слуги убили вместо царевича собаку, которую закопали на территории будущего города.⁵⁶

Символично «неучастие» Казани в «политическом маскараде», который устроил Иван IV Грозный, короновав в 1575 г. в Успенском соборе Кремля «великим князем всея Руси» крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича. Сам же царь именовался Иваном Васильевичем Московским. Поделенное на две части государство принадлежало: «великому князю Симеону Бекбулатовичу — одна часть, вторая — («удел») Ивану Московскому. Однако на землях бывшего Казанского ханства власть осуществлялась от имени «царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси».⁵⁷ По-видимому, это была запретная для подобных «экспериментов» территория.

Большинство исследователей эпохи Ивана Грозного пишут о последовавшем за взятием Казани строительстве православных церквей на территории бывшего Казанского царства. Для их сооружения привлекали лучших русских мастеров. В частности, работы на территории Казанского кремля проводил пскович Барма.

Однако почему же в архитектурных формах этого зодчего нет характерных для псковских храмов особенностей? Напротив, многие исследователи отмечали, что московский памятник является венцом татарского влияния на русскую архитектуру, напоминая разрушенную мечеть Кул-Шериф с ее восемью минаретами, о которых с восторгом писал Марджани.⁵⁸

⁵⁶ Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 162–163. П. Заринский упоминает предание, записанное в XVII в., в котором содержатся сведения о «чудных животных», обитающих на месте Казани — змеем Зилант и Москвы — «змеем превеликий и троеглавый, видом прекрасный». Грек Василий, бывший в свите князя, объявил ему, что на этом месте «будет град велик и распространится царство треугольное» (Заринский П. Старинные сказания об основании Казани. Казань, 1880. С. 72).

⁵⁷ Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 127–128.

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 252–253.

Идея постройки русского храма в честь победоносного похода царя Ивана IV Грозного не может вызвать удивления, однако его необычная форма и изысканная полихромия заставляет многих специалистов увидеть в этом архитектурном памятнике аналог мусульманского зодчества. Является ли храм Василия Блаженного только эмблемой подчинения мусульманской Казани христианской Руси? Как пишет М. Г. Худяков, историки русского искусства, в частности, И. Э. Грабарь, увидели в подобной постройке около Московского Кремля идею, возможно, внушенную царю митрополитом Макарием, «глубоким духовным ученым, художником, мыслявшим образами и сопоставлениями», идею неразрывной связи Москвы и Казани.

Символичность политики русских в отношении Казани, высвечивающаяся наряду с реальными действиями в завоеванном Казанском крае, выходит за рамки этих действий. Символику «приверженности к Казани» можно, по-видимому, объяснить ментальностью русских, базирующейся на прежнем почитании правителя «царства», которое уступило пальму первенства Московскому царству.

Одним из следов «комплекса царя» остается на много десятилетий «печать царства Казанского» с неизменным коронованным драконом.

При императоре Петре I Российское государство «взяло курс на форсированную интеграцию этносов бывшего Казанского ханства»,⁵⁹ в результате которого нерусское население Казанского края лишилось многих прав и традиций, с которыми до сих пор правительство еще считалось. Показательно в этом плане изменение надписи на казанской печати: вместо «печать царства Казанского» в легенде появились слова «печать великого государя».

Идеи просвещенного абсолютизма, которыми руководствовалась императрица Екатерина II, повлияли на признание русским правительством права народов Поволжья на культурную и конфессиональную самостоятельность, так что для Казанского края наступил период социального возрождения.

Почти во всех работах этого времени, а особенно — в XIX в., посвященных истории Казани, появляются сюжеты о гербе города.

⁵⁹ Кантелер А. Россия — многонациональная империя... С. 29–30.

А. Х. Халиков помещает в одной из своих работ таблицу, в которой указаны авторы, использующие татарские легенды. Первыми названы путешествующие в XVIII в. по Казанскому краю П. И. Рычков, а также И. Г. Георги, который в начале 1770-х годов был в России, посетил Казань. В 1774 г. он записал одну из легенд о возникновении города. Вплоть до начала XX в. (легенда, записанная С. Г. Вахидовым) у различных путешественников, фольклористов и историков повторяются сведения о змеях, двуглавом змее, крылатом змее-драконе, улетевшем, погибшем, сожженном и т. д. Почти в каждой легенде подчеркивается, что «хан избрал в качестве герба Казани дракона».⁶⁰

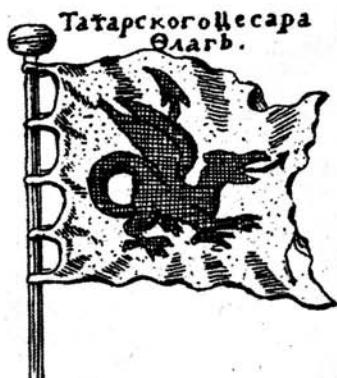
Следует отметить, что никого из авторов не интересовала форма дракона в гербе, видоизменение крылатого змея на протяжении столетий, изображение его на различных предметах, в том числе, на печатях и знаменах.

Форма дракона различна в XVII и XVIII вв. Дракон воеводских печатей XVI–XVII вв. отличается от ползущего дракона из Титулярника 1672 г. Отличен дракон, помещенный на знаменах пехотного и драгунского казанских полков, которые начали изготавливать по приказу Петра I в 1712 г., и — помещенный на знаменах казанских полков (пехотном, драгунском, гарнизонном) 1730 г. В первом случае полотнище знамен было красным «с изображением в верхнем углу, у древка, золотого дракона».⁶¹ Во втором случае речь идет о гербах, составленных в ведомстве генерала графа Миниха для военных знамен: «В золотом щите, на белом поле, черный змей, с красными крыльями под золотою короною Казанского Царства».⁶² Впервые здесь упоминается казанская корона. Однако по форме она отличается от тех, которые ранее увенчивали дракона на казанских печатях, а также — от короны на голове дракона в официально утвержденном в 1781 г. казанском гербе. Этот дракон не только короной, но и другими деталями (например, стреловидным языком) отличается от изображений на полковых знаменах.

⁶⁰ Халиков А. Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани. С. 10–11.

⁶¹ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб., 1899. С. 59.

⁶² Там же. С. 106.

Флаг «Цесаря от Тартарии»
с изображением дракона. XVII в.

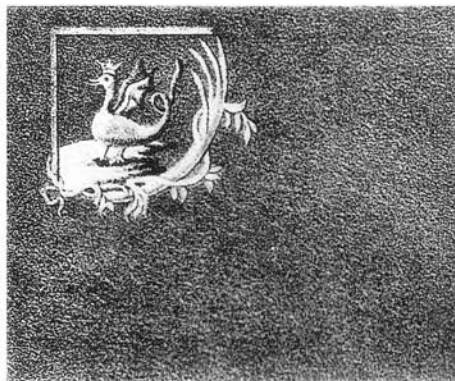
Можно заметить, что в XVIII в. (или в самом конце XVII в.) казанский дракон принимает постоянную форму — он стоит на двух передних лапах, опираясь на свернутый кольцом хвост. Подобным образом дракон выглядит не только на знаменах, но и на клеймах, в обязательном порядке ставящихся на изделиях из драгоценных металлов. Казанские пробирные клейма известны с 1742 г.⁶³

Некоторые цветовые детали были внесены в изображение казанского дракона при создании герба Казанской губернии во второй половине XIX в. Согласно указу от 5 июля 1878 г.⁶⁴ вводимый герб Казанской губернии имел следующий вид: «В серебряном щите черный коронованный дракон, крылья и хвост червлёные (красные. — Н. С.), клюв и когти золотые; язык червлёный (красный. — Н. С.). Щит увенчан императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединёнными Андреевскою лентою». Некоторые элементы герба Казанской губернии введены в сегодняшний городской герб Казани.

Воссоздание по рисункам казанской эмблемы показывает, что ее графическое воплощение зависело от навыков и мастерства художника. Этот художественный ракурс не являлся приоритетным

⁶³ Постникова-Лосева М. М. Русское ювелирное искусство: его центры и мастера. XVI–XIX вв. М., 1974. С. 238.

⁶⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 53. № 58684.

Изображение дракона на знаменах казанских полков
из знаменного гербовника 1712 г.

при исследовании казанского герба. Однако именно на художественной форме герба акцентировали внимание некоторые современные авторы, посвящавшие свои работы казанской символике в годы, предшествующие тысячелетнему юбилею Казани. Дракон казанского герба казался им исключительно карикатурным, «сочиненным» мифическими «московскими геральдистами XVI в.», попраным святым Георгием Победоносцем.⁶⁵ Не принималась почему-то во внимание «царственность» казанского дракона, обозначенная, как отмечалось выше, короной. В результате этого казанский дракон выпадает из контекста Чуда Георгия о змие и змееборчества русского царя.

«У наших предков не было „своего дракона“, «в фольклоре и литературе татарского народа дракон (аждаха) всегда олицетворяет злую силу», «образ дракона Казанскому ханству „подарен“ с целью унижения» — подобные заявления лишены научности и странно звучат в дискурсе истории.

В историографии не существует однозначного ответа на вопрос о возникновении символа. Исследователи не исключают зависимости художественного образа от реальности. Так, А. В. Рыстенко, изучавший легенду о змееборстве Георгия Победоносца, писал

⁶⁵ См., например: Ханзафаров Н. Г. Символы Татарстана: (мифы и реальность). Казань, 2001. С. 84–86.

Изображение дракона на знаменах казанских полков
из знаменного гербовника 1729/30 г.

о «фигуранте» этой легенды — драконе следующее: «Было бы преувеличением утверждать, что драконы принадлежат к области сказок. Как бы ни был фантастичен народный рассказ, всегда он основывается на чем-нибудь реальном, на фактах. Сходные условия местности могут быть причиной независимого создания похожих рассказов о змееборстве».⁶⁶ Реальная фауна, таким образом, может повлиять на создание мифа; последний может устно передаваться потомкам на протяжении столетий, в результате — записан, чтобы затем воплотиться в изображение, символ и проч.

В Казанском крае мифы о чудовищных змеях приурочены не только к территории Казани, но и к другим регионам: устье р. Зая, где было древнее поселение болгар; село Рождественское-Ямаши (Змеиный ключ); село Чурилино (около города Арска?); Чертово городище около города Елабуги. Этот список мест, где существуют легенды о чудовищных и летающих змеях, приводит М. Г. Худяков на основании различных источников, в том числе, и собственных записей рассказов местных жителей.⁶⁷

Дракон не всегда предстает в сказаниях только в отрицательном образе. В легенде, связанной с Чертовым городищем, в которой

⁶⁶ Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909. С. 452.

⁶⁷ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 214.

Рисунок герба Казани,
утвержденного Екатериной II 18 октября 1781 г.

сказано, что здесь живет бес-змей, а место это является «старых болгар молбище жертвенное». Приходят сюда люди со всей Казанской земли и исцеляются от недугов, получают предсказания о своей судьбе, особенно отправляющиеся на битву.⁶⁸ Неоднократно персонажи эпоса отмечали, что огромные змеи-драконы не приносят вреда людям.⁶⁹

Археолог А. А. Формозов, рассматривая вопросы изобразительного искусства в эпоху бронзы, обращает внимание на сосуд из села Полянки Казанской губернии. Он был обнаружен в 1881 г. при раскопках курганов срубной культуры. Одной из составных частей орнамента сосуда является змея с разинутой пастью, ползущая навстречу коню. В I тыс. н. э. в районах, близких к могильникам у с. Полянки, найдены еще предметы, относящиеся к культовым представлениям, связанным со змеями. Это бляхи, на которых изображен конь, а затем всадник, топчущий змею.⁷⁰ А. А. Формозов

⁶⁸ Подробнее об этом см.: *Заринский П.* Старинные сказания об основании Казани. С. 69; *Давлетиин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период, X — начало XIII в. Казань, 1990. С. 100.

⁶⁹ *Давлетиин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура. С. 100.

⁷⁰ *Формозов А. А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР // *СА.* 1958. № 2. С. 139–142; см. также: *Спицын А. А.* Шаманские изображения // *Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.* Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906. Серебряное изображение всад-

Изображение казанского герба в издании 1817 г.
«Казанские известия»

был склонен видеть в подобных древних сюжетах прообразы верований народов, обитавших здесь в позднейшее время, отраженных затем в легендах и мифах. «Вообще у татар Поволжья, — пишет А. А. Формозов, — легенды и поверья о змеях многочисленны. Из них интересны поверья, где отмечается связь змей с водой».

Древность «змеиных» сюжетов, которая подтверждается археологическими находками в данном регионе, не исключает и других составляющих феномена устойчивого образа дракона в Среднем Поволжье, в частности, последствий контактов этого региона со средне- и малоазиатскими государствами. Еще П. Заринский отмечал влияние древнеазиатских сказаний на татарские мифы о двухголовых змеях-драконах. Находки произведений искусства иранского и среднеазиатского производства, в том числе, на территории Волжской Булгарии, служат материальным подтверждением этих контактов.⁷¹

Подобные изделия несут изображение дракона, встречающееся, например, на бляшке поясного набора из Больше-Тиганского могильника, который Е. А. Халикова датирует концом VIII — первой

ницы из деревни Загорье (Рис. 228) А. А. Спицын датировал X в., а изображение всадницы на рис. 231 — VIII–IX вв.

⁷¹ Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М., 1976. С. 31 (и далее).

Изображение герба Казани в Большом гербе Российской империи. 1882 г.

половиной IX в.⁷² В трактовке дракона, как пишет автор, «ощущается влияние восточного и в частности иранского, сасанидского искусства».

Внимание археологов и историков искусства давно привлекает бронзовая бляха, датируемая VIII–IX вв., с изображением полиморфного существа с головой собаки, туловищем льва, лапами орла и хвостом змеи. По-видимому, эта бляха носилась на одежде в качестве охранительного амулета. Исследователи с уверенностью относят бляху к произведениям местного раннебулгарского искусства. О местном происхождении говорит и форма, типичная для многих изделий булгарских мастеров, и художественное решение — голова собаки со свисающими в сторону языком (культ собаки хорошо известен булгарам), орлиной формой лап и т. д. «Изображения собаки и орла (сокола), степного сайгака и змеи отражали среду и вкусы степняка в течение многих веков его кочевой жизни. Бу-

⁷² Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 170–171.

Бронзовая бляха с изображением полиморфного существа.
VIII–IX вв.

лучи тотемами, эти существа в последующем развитии языческих представлений вошли в образ полиморфного чудовища», — справедливо отмечает Ф. Х. Валеев.⁷³ Так же справедливо и то, что в интерпретируемом местными мастерами образе отразились черты восточноазиатского дракона, привнесенные «гунно-болгарами из мест их прежнего обитания до появления в районах Восточной Европы».⁷⁴

Самобытная трактовка полиморфного драконообразного существа на казанской бляхе очевидна, однако, с точки зрения концептуального (сущностного) понимания этого образа, который характеризуется феноменологически выраженным фантастическим сочетанием разнородных черт, ясно, что он избран для символического обозначения важнейших понятий в жизни человека, общих и специфических для различных пространств, жизненных условий и т. д.⁷⁵ В зависимости от этих параметров художественная интерпретация дракона может быть разнородной или обладать идентичными чертами.

⁷³ Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 101.

⁷⁴ Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань, 1984. С. 80.

⁷⁵ Подробнее об этом см.: Чеснов Я. В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды зарубежной Азии. М., 1986. С. 59.

Полиморфное существо, вырезанное
на золотом перстне царя Калояна. Начало XIII в. Болгария

В качестве аналога болгарскому чудовищу можно назвать «фантастическое существо», изображенное на золотом перстне-печати, обнаруженном в погребении в Болгарии в 1972 г.⁷⁶ Круговая легенда КАЛОЯНОВ ПРЪСТЕН определяет его владельца. По предварительным данным болгарских исследователей, перстень принадлежал царю Калояну, умершему в XIII в. В определении фантастического зверя единства среди болгарских ученых не наблюдается: одни видят в нем хищного зверя с головой дракона, другие — просто дракона. Скорее всего, правы последние, и чудовище представляет собой «реплику» отдаленных языческих верований дунайских болгар, отголосок их прошлой кочевой жизни.

Магическая, «защитная» роль дракона, нашедшая отражение в персонифицированном украшении, коррелируется с символикой змей и драконов в изобразительном искусстве Болгарии. В исследованиях болгарских ученых отмечается двойственность восприятия этого существа в обыденной жизни и в церковном искусстве. Оценочная характеристика змеи в обыденной жизни противоречива: с одной стороны, змеи нагоняют страх, являются предвестниками беды, с другой — как объект мифо-поэтического творчества

⁷⁶ Дерменджиев Х. П. По някои въпроси относно интерпретацията на материалите, установени в погребение № 39, и неговата датировка // Изкуство София. 1976. № 9. С. 38–45.

змея воспринимается исключительно позитивно. Известны фольклорные «празднества в честь змеи»: ее изображение встречается в украшениях жилищ (в солнечном круге), в верхней части домашних иконостасов, на перстнях, свадебных подарках, воплощая пожелания счастья, здоровья, спокойного домашнего очага.⁷⁷

Широко распространен в Болгарии обычай изображения фигур грифона, сирены, но, прежде всего, змей и драконов в качестве резных украшений ворот и порталов церковных и монастырских зданий, верхней части иконостасов — как стражей храмового пространства. Исследователи подчеркивают, что в фольклоре, а именно народные представления отражены в рельефах храмовых и монастырских построек, чаще всего деревенских, нет естественного изображения змеи, напротив, нередко она изображается с двумя, даже семью головами, т. е. используется ее фантастический образ как «заклинательный знак и магический символ».⁷⁸

Наряду с чудовищными и фантастическими персонажами, выступающими в качестве «охранителей» сакрального пространства, последнее защищается и антропоморфными фигурами — архангелами с копьями и мечами, конными святыми, среди которых имеется и Георгий Победоносец, поражающий дракона.⁷⁹

Таким образом, дракон предстает в разных ипостасях. Их количество значительно увеличивают и другие примеры, как то: в деревянной резьбе одного из иконостасов представлены две змеи, поддерживающие своими зубастыми пастьми концы христианского креста (намек на сопричастность к небесам), с хвостами, переходящими в цветы и растения, заполняющими всю поверхность иконостаса, что рассматривается как символическая связь змееобразных существ с растительным миром, с живой природой.⁸⁰

При осмыслении символики дракона, который может считаться дальнейшим развитием образа змеи, подчеркивается его устойчивая связь с растительной орнаментикой, указывающей на то, что «драконов представляли дарителями жизни, хранителями вод, а это значит, что они обеспечивали плодородие».⁸¹

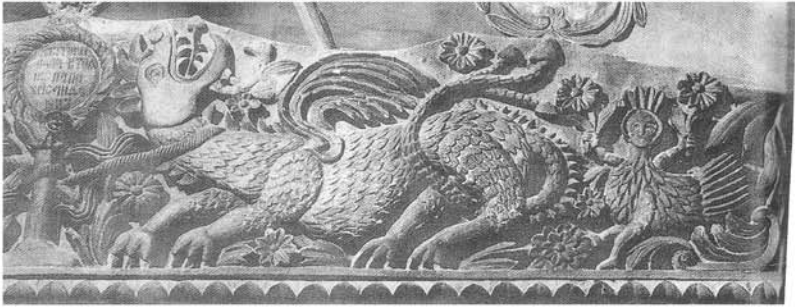
⁷⁷ Ангелов В. Мит и фолклор. София, 1999. С. 69–71.

⁷⁸ Там же. С. 130–131, 217.

⁷⁹ Там же. С. 131.

⁸⁰ Там же. С. 74.

⁸¹ Чеснов Я. В. Дракон... С. 68.

Деревянный дракон, украшающий иконостас в церкви св. Николая. Болгария

Иной смысл вкладывается в образ дракона, изображенного на ранних англосаксонских монетах. Использование его в качестве монетного изображения объясняется влиянием местных древних верований, в которых германский бог, чудовищный Вотан (Водан-Один), носитель магической силы, играл важную роль.⁸²

Все этапы генезиса образа дракона, этой универсальной символической фигуры, считающейся в настоящее время наиболее популярной из всех других синкретических существ, ибо является распространенной в мифологии разных стран мира,⁸³ проследить вряд ли удастся. Корни его уходят в праисторические времена, и в мифологии многих стран он существует изначально как космический образ, наделенный магической сверхъестественной силой. В мифах о сотворении мира дракон предстает в виде врага, с которым сражаются сначала боги, а затем герои. В легендах победитель дракона добывает клад или освобождает похищенную богиню или царскую дочь. Истоки подобного восприятия дракона (драконоборчество), как предполагают исследователи, восходит к шумерским источникам IV–III тыс. до н. э. Отсюда многие детали легенд проникли в греческую и раннехристианскую мифологию.⁸⁴ В библейской символике дракон — один из самых распространенных образов зла, с которым расправляются святые воины, в том числе,

⁸² Подробнее об этом см.: Соболева Н. А. Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 28–29.

⁸³ Чеснов Я. В. Дракон... С. 59.

⁸⁴ Крамер Сэмюэл Н. История начинается в Шумере. М., 1969. С. 205.

Георгий Победоносец. В средневековой агиографии победа над драконом знаменует победу над язычеством, защиту христианства. Сюжет чрезвычайно широко распространен в западноевропейском искусстве, а также на Руси, принесенный сюда византийским иконописным и литературным искусством.

Этот сюжет фиксируют русские средневековые печати и монеты, он включен в современный российский герб. На печати 1577 г. всадник, поражающий дракона, изображен в короне, и некоторые исследователи считали, что он имел портретное сходство с Иваном IV Грозным.⁸⁵

Данное изображение продолжает христианскую традицию воплощения «змееборчества», оно имеет отношение к общей композиции печати, но не к изображению на «печати царства Казанского». Хотя, как отмечалось выше, в Казанском крае существовали предания, в которых рассказывалось об «укрошении» змеев-драконов, ханом направлялся герой для борьбы с чудовищем, упоминались и археологические находки, которые фиксировали погнание змеи конем, возможно, представляя местную интерпретацию среднеазиатских мифов.

Наряду с шумеро-аккадской традицией змееборчества, основанной на характеристике дракона как символа зла, существует восточная, прежде всего, китайская традиция восприятия дракона. В противоположность западноевропейскому дракон в Восточной Азии в большинстве случаев считается символом счастья. «Восточный дракон не является ужасным монстром, плодом средневекового воображения. На Востоке он является гением и символом силы и доброты». Дракон — «это дух изменения, а потому дух самой жизни» — это только одно из многих определений восточного дракона, которое ему дают исследователи на основании китайских легенд и словарей.⁸⁶

Огромное количество работ написано о китайском драконе, причем в каждой из них отмечаются различные его положительные качества, проявляющиеся во взаимодействии с людьми. Особенно ценилась его причастность к воде, которую дракон дарил

⁸⁵ Спасский И. Г. К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 41. Л., 1976. С. 49–53.

⁸⁶ Вильямс К. А. Энциклопедия восточного символизма. М., 1996. С. 99–108.

людям. Издавна дракон вызывал поклонение китайцев, как они считали, с момента существования древнего рода «лун» — «дракон». Он наделялся сверхъестественной силой перевоплощения и передвижения, мог быть видимым и невидимым, крылатым и бескрылым, однако всегда обладал способностью подняться ввысь, взлететь. Дракон, по верованиям китайцев, мог опускаться на дно морское. Народная легенда утверждала, что на дне моря хранятся бесчисленные сокровища, принадлежащие царю-дракону. Отсюда выражение: «Богат, как царь-дракон».⁸⁷

Итак, восточный дракон обладал значительно большим количеством функций, чем дракон, утвердившийся в Западной Европе. Поэтому восточный дракон в своем изобразительном варианте объединяет атрибуты, минимум, девяти существ,⁸⁸ чего не было у западного дракона, претворившего ближневосточную форму. Выше отмечалось, что на бляхе, обнаруженной в Казанском крае, дракон также объединяет атрибуты четырех или пяти существ.

К самым положительным качествам китайского дракона относится тот факт, что со времени династии Хань (III в. до н. э.) дракон был символом императора. Словом, исследователи китайской мифологии и культуры сходятся на том, что дракон в китайской традиции, в отличие от европейской, всегда трактовался как символ добра, мира и процветания. Дракон воспринимался на Востоке как помощник, дающий людям воду и богатство, т. е. благополучие.⁸⁹

Могла ли трактовка китайского дракона каким-либо образом включиться в верования народов Среднего Поволжья, воплотившись в притягательный символ защитника, покровителя, хранителя всех водоемов, спутника благоденствия людей? Кажется, положительный ответ на этот вопрос можно обнаружить в находках предметов с изображением дракона «китайского типа» в районе Уфы, Великих Болгар, о чем писал еще Н. П. Кондаков.⁹⁰ В могильнике близ Уфы обнаружена бронзовая бляха с двумя драконами,

⁸⁷ Сидихменов В. Дракон — древний символ Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1990. С. 148–149.

⁸⁸ Васильев Л. С. Культы, религии, традиции Китая. М., 2001. С. 407–408.

⁸⁹ Иванов В. В. Дракон // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 394.

⁹⁰ Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 141–148.

Современный герб Казани

поднявшимися на своих узловых сплетениях по сторонам священного дерева. Н. П. Кондаков пишет: «Основной смысл изображения эмблематической пары драконов заключается, конечно, в значении общего амулета или талисмана, но помимо того, тип эмблемы относится к геральдике крайнего Востока».

Исследователь сообщает о специфических амулетах с изображением свившегося дракона, с хвостом в виде птичьей головы и шеи, найденных в Сибири, и заключает: «К этим фактическим указаниям мы должны прибавить, что большие сереженные лунницы из Великих Болгар ... представляют явно маску того же дракона».

Наконец, очень важным представляется замечание Н. П. Кондакова об использовании монголами сходного с китайским дракона: «Китай, приняв дракона как эмблему, сближавшую его с древнею отчизною былого кочевья, находил у монгольских владык ту же эмблему пары священных драконов, гармонию суши и воды на их тронах». Описание кресла Чингис-хана и других монгольских правителей, украшенных фигурами свернувшихся драконов,⁹¹ подтверждает слова Н. П. Кондакова так же, как и использование драконов в качестве архитектурных украшений в древнемонгольских городах.⁹²

⁹¹ Мэн-да бэй-лу: «Полное описание монголо-татар». М., 1975. С. 76.

⁹² Древнемонгольские города. Ч. 3. М., 1965.

Изложенный выше материал, не претендующий на «истину в последней инстанции», тем не менее, на основании корректировки различных источников, на наш взгляд, позволяет по-новому осмыслить историю «казанского дракона». Эта эмблема, несомненно, генетически связана с полиморфным мифологическим существом, обладающим разноплановой символикой, знакомой населению Волжской Булгарии. Трансформируясь в народном сознании, дракон остался на века в местной мифологии как «аждаха», входя в этом качестве в герб Казани.